

ХУДОЖНИК МАХАРБЕК ТУГАНОВ — ИЛЛЮСТРАТОР НАРТОВСКОГО ЭПОСА

И. Т. Цориева

К художественному осмыслению и отображению героического нарттовского эпоса как одного из драгоценных достояний и величайших достижений осетинского народа обращались многие представители национальной творческой интеллигенции (писатели Н. Джусойты, М. Булкаты, Г. Плиев, композиторы И. Габараев, Л. Ефимова, художники А. Джанаев, А. Хохов, У. Кануков, Е. Бутаев и др.). Особая роль в творческом освоении богатейшего мира эпических нарттовских сказаний принадлежит художнику Махарбеку Туганову. Он одним из первых обратился к визуальной интерпретации текстов национально эпоса. Его иллюстрации к нарттовским сказаниям признаны выдающимся явлением национальной культуры и по праву входят в сокровищницу нарттоведения. По силе художественной выразительности, по глубине философского осмысления фольклорного материала они стоят в одном ряду с лучшими произведениями русских и советских художников, работавших в этой области. Представленный источник является русским переводом статьи М. Туганова, которая впервые была опубликована в журнале «Мах дуг» на осетинском языке в 1949 г. и являлась своеобразным откликом на прозаический свод «Осетинские нартские сказания» (1948), изданный с иллюстрациями художника. Документ несет в себе информацию об основных этапах становления Туганова-иллюстратора нарттовского эпоса, о малоизвестных фактах творческой биографии, имевших важное влияние на формирование художественного мировоззрения, творческого метода художника. Источник интересен также тем, что дает представление о своеобразии исторической эпохи, об отношении власти к традиционной культуре, об использовании ею богатств устного народного творчества в достижении социально значимых целей и вовлечении в этот процесс творческой интеллигенции. Документ представляет собой машинописный текст на 10 страницах и публикуется в полном объеме.

Ключевые слова: Махарбек Туганов, художник, устное народное творчество, Нарттовский эпос, сказания, визуальная интерпретация текста, иллюстрации.

The artistic interpretation and display of the heroic Nart epos as one of the precious treasures and greatest achievements of the Ossetian people was in the focus of many national representatives of the creative intelligentsia (writers N. Dzhusoity, M. Bukaty, G. Pliyev, composers I. Gabaraev, L. Efimova, artists A. Canan, A. Hohi, U. Kanukov, E. Booth, etc.). A special role in the creative exploration of the rich world of the epic Nart tales belongs to the artist MakhARBek Tuganov. He was one of the first who applied visual interpretation of the texts of the national epic. His illustrations to the Nart legends are recognized as an outstanding phenomenon of the national culture and rightly belong to the Treasury of Narts' studies. Power of artistic expression, the depth of philosophical understanding of folklore material make his works on a par with the best works of Russian and Soviet artists who worked in this area. The reviewed source is the Russian translation of the article by M. Tuganov, which was first published in the journal «Max Doug» in the Ossetian language in 1949 and was a response to a prose collection of «The Ossetian Narts' Sagas» (1948), published with illustrations of the artist. The document carries information about the main stages of the formation of M. Tuganova as an illustrator of the epos, about the little-known facts of the biography, which had an important influence on the shaping of his artistic vision, of the artist's creative method. The source is also of interest as it gives an idea on the peculiarity of the historical era, about the government's attitude to traditional culture, the use of the wealth of folklore in the achievement of

socially significant purposes and the involvement of the intellectuals. The document is a typescript 10 pages long and is published unabridged.

Keywords: *Maharbek Tuganov, artistic, oral literature, Nart epos, legends, visual interpretation of text, illustrations.*

Осетинский нартовский эпос — выдающийся памятник духовной культуры народа — на протяжении многих десятилетий привлекает внимание деятелей литературы и искусства. В мифах, сказаниях и легендах, оставленных предками и несущих в себе образы «древнего быта и мировоззрения, народных доблестей и идеалов» [1, 4], писатели, художники и музыканты ищут ответы на извечные вопросы о смысле человеческого бытия, о собственном предназначении на земле. Богатейший мир эпических образов Нартиады нашел художественное воплощение во многих произведениях национальной культуры: романах «Слезы Сырдона» Н. Джусойты, «Седьмой поход Сослана Нарты» М. Г. Булкаты, симфонических произведениях «Нарт Батраз» И. Габараева, «Нарты» Л. Ефимцовой, живописных полотнах и иллюстрациях А. Джанаева, А. Хохова, У. Канукова, Е. Бутаева и др. [2; 3; 4]

В ряду ярких представителей национальной интеллигенции, для которых Нартовский эпос всегда служил средоточием народной мудрости и источником творческого вдохновения, особое место принадлежит народному художнику Махарбеку Туганову, собирателю, исследователю и популяризатору памятников устного народного творчества. Он стал в национальной культуре одним из первых интерпретаторов осетинского фольклора средствами живописи.

Иллюстрации М. Туганова к нартовским сказаниям признаны выдающимся явлением национальной культуры и по праву входят в сокровищницу художественного нартоведения. По силе художественной выразительности, по глубине философского осмысления фольклорного материала они стоят в одном ряду с лучшими произведениями русских и советских художни-

ков-иллюстраторов народного творчества. «Нарты» в картинах и иллюстрациях Туганова стали свидетельством безграничной любви художника к своему народу, к его духовному наследию. В произведениях мастера («Уастырджи и Дзерасса», «Бой оленей», «Игры нартов», «Переход Батраза через мост Рду», «Нарт Суасса убивает маликов», «Тренировка нартовских женщин», «Ацамаз» и др.) перед зрителем предстал гордый, свободолюбивый народ, его жизнь, полная отваги, мужества, необычайной красоты. Наиболее полное и выразительное решение тема нартов в творчестве Туганова нашла в огромном живописном полотне (3x5 м) «Пир нартов», написанном в конце жизни [5, 15-17].

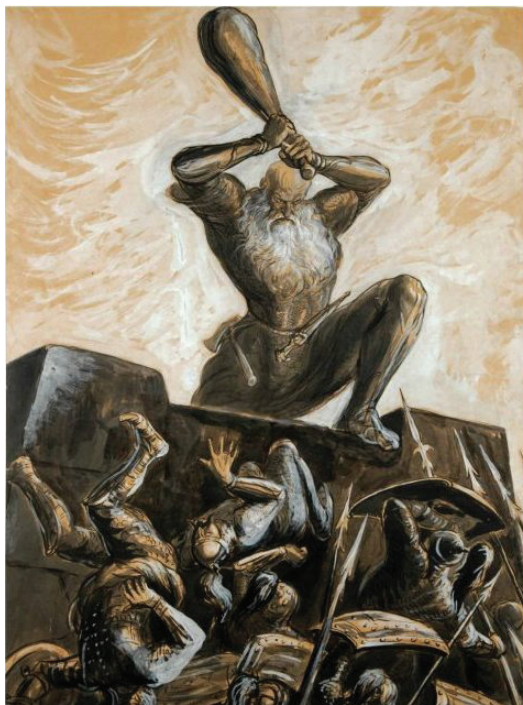


Рис. 1. *Нарт Суасса убивает маликов.*
Худ. М. Туганов

Публикуемый ниже документ приоткрывает малоизвестные страницы в творческой биографии художника. Готовясь к поступлению в Санкт-Петербургскую

Академию художеств, Туганов представил эскиз «Пир нартов», на котором изобразил «осетин в черкесках с кинжалами и среди них на столе танцевали герои нартов». Однако работа вызвала недоумение инспектора Академии наук: «А что это такое? Они с ума сошли, чего они на столе танцуют?» Неудача, постигшая начинающего художника, убедила его в необходимости учиться искусству осмысления и отображения фольклорных текстов художественными методами. «Я решил больше не братья за нартов, пока не научусь у больших художников этому искусству» [6, 4]. И он упорно учился у великих русских мастеров В. Васнецова, И. Билибина, М. Врубеля, И. Репина, Н. Рериха и др. Следуя их примеру, глубоко изучал устное народное творчество, внимательно осваивал выработанные ими изобразительные приемы и методы интерпретации мифологических образов. Полученные знания и впечатления впоследствии использовал в работе над иллюстрациями к устному народному творчеству.

На формирование художественного мировоззрения, творческого метода Туганова значительное влияние оказали годы пребывания в культурных центрах Европы, прежде всего в Мюнхене, в знаменитой школе-студии Антона Ашбе, пользовавшейся в конце XIX — начале XX в. огромной популярностью у русских художников. После Мюнхена были Вена и Париж. Махарбек изучал здесь историю искусства, жадно впитывал все новое в европейском искусстве, продолжал осваивать современные приемы художественного отображения действительности. Именно здесь под впечатлением от новаторства импрессионизма и особенно экспрессионизма оформляется столь узнаваемая, совершенно созвучная душевному устройству и темпераменту художника эмоциональная, экспрессивная тугановская манера рисунка. Впоследствии она была блестяще реализована в иллюстрациях к Нартовскому эпосу.

В Осетию Туганов вернулся в 1907 г. с большим багажом знаний, идей и замыс-

лов. Теперь непосредственной работе по созданию иллюстраций к «Нартам» предшествовал длительный подготовительный период. Художник продолжал глубоко изучать древнюю историю, культуру и быт народа, расспрашивал стариков об обычаях, нравах, одежде далеких времен. Исследовал и делал множество зарисовок старинных памятников, оружия, хозяйственной утвари и пр. Современники подмечали поразительное совпадение всей атмосферы картин художника с народными представлениями о жизни, походах и подвигах нартов, объясняя это тем, что художник «до всей глубины и широты знал душу своего народа, его думы, его мечты, его идеалы» [7, 118].

Традиция художественной интерпретации народного эпоса в творчестве М. Туганова, как и в искусстве в целом, получила мощный импульс в советский период истории России. Временем кардинального переустройства общественной жизни страны, становления новой советской культуры стали 1920-е — 1950-е гг. В этот период эпическому наследию народов СССР придается особое социально-политическое значение. Новая советская эпоха требовала людей прочной закалки для осуществления грандиозных планов форсированной социально-экономической и культурной модернизации страны. Формировавшееся социалистическое искусство было призвано воспитывать подвижников, пассионариев, патриотов, готовых к самопожертвованию, способных к преодолению любых трудностей и преград ради достижения высокой цели [8, 111-112].

Безусловно, социально-политический «заказ» времени встретил понимание и живой отклик в душе художника, влюбленного, по словам Н. Джусойты, в героическое начало в человеческом характере и, в особенности, в характере родного народа [9, 8].

Талант живописца, творческий энтузиазм Туганова были востребованы в новых социально-политических реалиях времени.

Он участвовал в художественных выставках, занимался художественным оформлением спектаклей, много работал в области книжной графики. Живописные полотна и графические произведения, созданные в 1930-е — начале 1950-х гг.: «Бой Сослана с великаном», «Похищение сестры великанов», «Балсагово колесо», «Нарт Сырдон», «Клятва нартских женщин», «Батраз в борьбе с небом», «Гибель нартов», «Пир нартов» и другие служили подлинным украшением изданий нартских сказаний. Туганов иллюстрировал книгу «Нарты. Осетинский народный эпос», выпущенную в 1942 г. в г. Сталинире (Цхинвале). Он был автором художественного оформления и иллюстраций фундаментального прозаического свода «Осетинские нартские сказания» на русском языке, изданного в 1948 г. в г. Дзауджикау, и т.д.



Рис. 2. Батраз в борьбе с небом. Худ. М. Туганов

В целом художественные произведения М. Туганова стали образцами нравственного и эстетического осмысления сокровищ национальной духовной культуры, наполнявшими фольклорные тексты новыми смыслами в деле воспитания человека и гражданина.

Публикуемый ниже источник является русским переводом статьи М. Туганова «Как я работал над картинами нартских сказаний». Документ, извлеченный из фондов Научного архива СОИГСИ ВНЦ РАН, датируется 8 мая 1962 г. — временем его поступления в архивный фонд Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Впервые статья была опубликована в журнале «Мах дуг» на осетинском языке в 1949 г. Публикация состоялась вскоре после выхода в свет прозаического варианта «Осетинских нартских сказаний» (1948 г.). Книга, изданная Северо-Осетинским книжным издательством в русском переводе Юрия Либединского, была примером талантливого художественного оформления Махарбеком Тугановым текстов нартских сказаний. В силу определенных обстоятельств (по давности публикации, отчасти из-за наличия языкового барьера и пр.) статья оказалась вне поля зрения исследователей творчества художника. Между тем, документ представляет несомненный научно-познавательный интерес. Он содержит информацию об этапах становления Туганова-иллюстратора устного народного творчества, раскрывает малоизвестные факты творческой биографии художника. Источник сообщает о том, насколько скрупулезной и кропотливой была работа автора над текстами героических сказаний, прежде чем он приступал к воспроизведению образов героев эпоса на бумаге или холсте. «Типы нартов я старался показать такими, какими их представлял народ в своих сказаниях», — подчеркивал художник [6, 7].

Помимо культурологического, познавательного интереса документ ценен тем, что позволяет, хотя и опосредованно, судить о своеобразии исторического времени его написания. Он свидетельствует о практицизме советской культурной политики. В данном случае — при использовании памятников народного творчества для достижения социально значимых целей и вовлечении в этот процесс национальной художественной интеллигенции.

Документ представляет собой машинописный текст на 10 страницах и публи-

куется в полном объеме в переводе Л. Туевой. В ходе его подготовки к публикации произведена сверка текста с оригиналом и внесены некоторые поправки, в том числе орфографические и пунктуационные. При этом авторская стилистика сохранена.

При оформлении примечаний использовались материалы из трехтомного академического свода «Нарты. Осетинский героический эпос», сборника «Махарбек Туганов. Статьи, воспоминания, письма» и издания «Хроника жизни и творчества художника Махарбека Туганова» [10; 11; 12].



Рис. 3. Пир нартов. Худ. М. Туганов

КАК Я РАБОТАЛ НАД КАРТИНАМИ НАРТСКИХ СКАЗАНИЙ

**Махарбек Туганов,
народный художник Северо-Осетинской АССР**

В 1948 году Северо-Осетинским книжным издательством была издана книга «Нартские сказания»¹ на русском языке с предисловием Кубади Кулова². Издание этой книги свидетельствует о том, что благодаря мудрому руководству партии Ленина-Сталина трудящиеся Северо-Осетинской АССР сумели высоко поднять свою культуру и историю.

Нартский комитет Северной Осетии проделал большую работу. Были приглашены лучшие сказители Осетии, научные работники, писатели, художники, работники издательств и печати и др. Мне было поручено художественное оформление Нартских сказаний. Разноцветными красками я написал двенадцать картин — вкладышей, кроме того 27 рисунков по тексту, титульную страницу, заголовки сказаний и концовки. Все это было выдержано в стиле осетинского народа. Я очень благодарен руководству Северной Осетии за то, что они дали мне возможность осуществить мою давнюю мечту: изобразить Нартов в картинах и рисунках и поработать над созданием Нартских сказаний.

В печати уже говорилось о большой работе, проделанной во время подготовки издания. Мне хочется, как художнику издания Нартских сказаний, сказать несколько слов о своей работе. Откровенно говоря, показать в своем творчестве фольклор любых народностей, скажем сказки, легенды, песни и др., было самой трудной обязанностью для художников. В этом деле недостаточно уметь рисовать, писать цветные картины, а надо суметь показать стиль каждой картины, т.е. картину надо изобразить так, чтобы сохранить колорит того народа, которому принадлежит сказка или легенда. А для этого художник должен хорошо знать

древнюю историю, быт, нравы и одежду тех времен, а в основном надо знать, по какому поводу написано то или другое произведение.

Над всем, что я перечислил выше, работал не один человек, а поколения многих художников и ученых. Поэтому у художника бывает много возможностей для работы, он пользуется трудами и опытом предыдущих поколений. Такие примеры есть в творчестве русских художников, которые легендарных героев, ведьм, чертей и др. не только рисовали, но писали даже цветные картины. Такими русскими художниками были Васнецов, Билибин, Врубель, Полenov и др. В изучении народных памятников им большую помощь оказали народные сказания, сказки и др. Откровенно говоря, до Великой Октябрьской революции в Осетии нельзя было найти памятников народного творчества, которые не только не охранялись, но даже не обращались на них никакого внимания. Царизм только затемнял, угнетал и эксплуатировал нации, его не интересовала национальная народная культура, а наоборот топтал под ногами культуру поработанных народов. Художнику самому приходилось идти в народ и искать там нужный материал.

Когда я учился во Владикавказском реальном училище³, то наши учителя по русскому языку и литературе старались нам, ученикам, разъяснять смысл народных сказаний, сказок, легенд, песен, загадок. Когда мы после летних каникул возвращались в училище, из дому привозили работы, которые выполняли во время отдыха, и передавали их нашим учителям. Такой метод наших учителей по литературе нас волей-неволей заставлял работать и приучал к труду. Обогащались наши знания по на-

родному творчеству. Многие из этих работ впоследствии нам очень помогли во время создания картин.

С народными сказаниями я стал заниматься с самого детства. Мне вспоминается такая картина. Дигория. Селение Дур-Дур. В древней, просторной, продолговатой комнате-гостиной сидят феодалы. У огня сидит группа старших, вдоль стены по старшинству выстроились младшие. Им не разрешалось вмешиваться в разговор старших, они могли только стоять безмолвно и слушать, о чем говорят старшие. На стенах сверкает позолоченное и посеребренное оружие. Позолоченные и посеребренные газыри, кинжалы, пистолеты чинно сидящих стариков и почтительно вытянувшихся молодых людей сверкают и переливаются в гостиной...

Старик настраивает свой фандыр⁴, начинает подпевать себе твердым, уверенным голосом. Мелодия на фандыре звучит мягко, тихо. Сказитель свои глубокие мысли начинает вот так: «Крикнул, говорит, Нарт Сослан трем Нартам⁵: «Сегодня пятница, кто не придет к следующей пятнице к горе Уза⁶, на площадь игр, у того силой отберем самого младшего сына».

«Зарыдала, говорит, мать Албегова сына, малолетнего Тотраза, стоя у люльки: «Иссякнет наша фамилия, Сослан знает, что от нас некому пойти на площадь игр кроме старого Албега, и Сослан решил прервать род Албега в отместку за старую обиду».

Тогда, говорит, потянулся маленький Тотраз в своей люльке и сказал матери: «Развяжи тесемки, которыми я привязан к люльке, мне надо приготовиться, чтобы идти на площадь игр».

«Пуще прежнего разрыдалась мать: «Куда ты идешь, очаг мой, ведь еще у тебя молоко на губах не обсохло, так как ты можешь равнять себя с Сосланом?»

«Тогда, говорит, маленький Тотраз потянулся, и люлька его разлетелась на куски, доска, которая была у его изголовья, полетела на вершину Черной горы, а доска, ко-

торая была под ним, полетела к Белой горе. И вскочил Тотраз на свои сильные, крепкие ноги, подкинул свою мать до небес и поймал ее своими сильными руками, не дав упасть ей на землю».

Эта легенда настолько сильно потрясла мое юное воображение, что каждый раз, когда я смотрел на горы и леса, мне хотелось увидеть эти огромные куски Тотразовой разлетевшейся люльки. Я так верил, что Нарты не народная фантазия, а настоящие люди, которые жили и живут даже сейчас.

В 1894 г [оду] мне впервые удалось побывать в горной части Дигории, увидеть там красоты природы, а главное услышать много легенд, сказаний, песен и др. и записать кое-что у народных сказителей. Из этих сказителей давно уже никого нет в живых, но они были в большом почете, как знатоки нартских сказаний. Это были: Дзрах Саулаев, Саулох Божиев, Дукундр Дайуев⁷. Они мне тогда крепко вбили в голову народные сказания. После этого я мечтал поехать в горы, послушать народные сказания и записать их. Так потихоньку я познакомился с Нартскими сказаниями. Но одно дело все это записать из уст сказителей, а другое — создать портреты героев Нартов, и вот тут начались мои творческие муки.

Было вот как. Когда готовился поступать в Петербургскую (Ленинградскую) Академию художеств⁸, я решил сдать эскиз «Пир нартов». Я нарисовал много осетин в черкесках с кинжалами и среди них на столе танцевали герои Нартов. Когда представил свою картину инспектору Академии художеств Беляковичу, он недоуменно посмотрел на меня и спросил: «А что это такое? Они с ума сошли, чего они на столе танцуют?»

Слова инспектора Академии художеств Беляковича заставили меня глубоко задуматься, и я сказал себе, что изобразить Нартов не так легко, что не могу понять, как надо в изобразительном искусстве показывать народное творчество. Я решил больше не браться за Нартов, пока не научусь у больших художников этому искус-

ству. Путь к созданию портретов Нартов мне помогли найти картины художников, о которых я говорил выше, т.е. Васнецова, Билибина, Врубеля, Поленова, Рериха. Я видел своими глазами, как они внимательно и глубоко изучали древнейшее народное творчество русских, их одежду, археологию, историю, иконопись, народных умельцев. Особенно мне запомнились слова нашего профессора, академика истории искусств Желобова. Он говорил: «Наши предки, потомки скифов, нам не оставили никаких письменных документов, поэтому историю их нам необходимо изучать по предметам их материальной культуры».

Когда в 1907 г [оду] я вернулся в родную Осетию, старался рисовать всевозможные памятники, стариков расспрашивал о древних обычаях, об одежде, оружии и др. В то время во Владикавказе на Красноярской улице⁹ жили и работали мастера по седлам, оружейные мастера, лудильщики, золотых дел мастера (ювелиры). Я познакомился с лучшими мастерами, научился у них многому. Кинжалы у них были разные: «Осетинские», «Дагестанские», «Кабардинские» и др. горских народностей. По орнаментам и по технике они читали мне целые лекции. Часто я у них находил куски материи с древнейшими рисунками и оружие — шашки, железные шлемы и др. в древнейшем их виде, только в большей части это были дагестанские.

Медь, серебро, железо — все это меня мысленно переносило в древнейшую страну нартов, где небесный старый кузнец Курдалагон в своей кузнице закалял Нарта Батраза.

В 1910 г [оду] я вновь решил взяться за работу над нартами. В то время нам удалось создать свой кружок художников, куда вошли местные художники, учителя по рисованию и любители изобразительного искусства. Нам удалось даже организовать выставку. На эту выставку я принес первым долгом портреты Нарт Сослана, Урузмага и Хамыца. В том же году вышла из печати моя первая книга на дигорском



Рис. 4. Курдалагон — небесный кузнец.
Худ. М. Туганов

диалекте «Дигорон кадæнгитæ», «Дигорские сказания»¹⁰. Книгу иллюстрировал я сам. Главное место в книге занимало сказание об Ацамазе Нартском, и в первую очередь иллюстрации сделал для Нартов. У сказания об Ацамазе есть своя история. В 1899 г [оду], когда умер мой отец, среди его бумаг я нашел сказание об Ацамазе, написанное русским шрифтом. В этой рукописи было только то место сказания, где говорится, что, когда Ацамаз начинал играть на свирели и петь, просыпалась природа. Эту часть сказания я часто слышал в детстве, живя в Дигории, но тогда даже и не подозревал, что это лишь небольшая часть большого эпического произведения. А впоследствии эту песню профессор Васо Абаев назвал «жемчужиной нартских сказаний». Эту песню он в своей книге «Осетинский эпос» дал в подстрочном переводе. Потом уже эту песнь в виде полного сказания я услышал от сказителя Сослана Кубатиева, детство и юность которого прошли среди пастухов и табунщиков. С его же слов я впервые полностью записал это сказание. А впоследствии дополнил его с помощью

вариантов других дигорских сказителей. Надо заметить, что Ацамаз в дигорском варианте совсем не тот, что в иронском. В иронском варианте Ацамаз показан как воин.

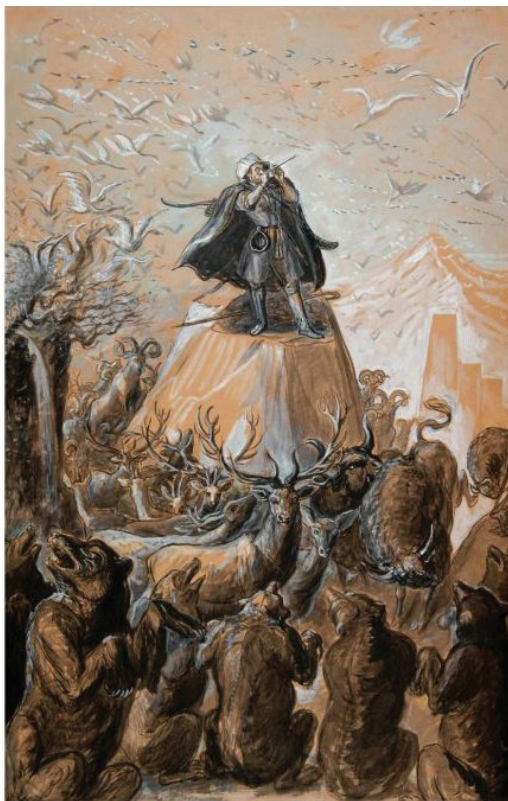


Рис. 5. Ацамаз играет на свирели.
Худ. М. Туганов

Царская цензура в течение восьми лет не выпускала мои «Дигорские сказания», но потом я их сам, за свой счет напечатал в типографии Шувалова, иллюстрации к книге делал тоже сам. Рукопись книги в цензуру была передана в 1902 году, а разрешение к печати получила лишь в 1910 году. Это может служить наглядным свидетельством того, как царизм «заботился» о развитии народного фольклора поработенных народов.

В 1914 году я сделал иллюстрации к другим нартским сказаниям. Я хотел выпустить отдельной книгой и другие сказания, но тут помешала мне мировая война¹¹. Только при Советской власти я смог работать над нартами. В 1926 году я написал картину «Пир нартов». Над ней я работал

очень много. Перед тем, как взяться за эту картину, я поставил перед собой цель, образы (типы) своих персонажей находить среди народа. В этом деле мне очень помогли методы работы передовых русских художников: Иванова, Репина, Сурикова, Васнецова и др. Первым долгом я решил писать главных героев нартов, начиная от Урузмага и кончая Батразом. Типы нартов я старался показать такими, какими их представлял народ в своих сказаниях. Внешне их описывали вот как: Урузмаг был с седой, как лунь бородой, а фигура у него была как у юноши. Нарт Сослан был широкоплеч, а талия у него была настолько узка, что, когда он ложился, заяц свободно пробежал под его лопатками. Глаза Нарта Батраза сравнивались с мельничными жерновами, а цвета они были стального. У отца его Хамыца были рыжие усы. От своего благородного, сдержанного и доброго брата Урузмага Хамыц отличался своим легкомыслием. Он вечно волочился за чужими женами. Сын Нарта Деденага — Арахцау описывался таким: «Издали стало надвигаться белое облако, над ним летали черные вороны, но это было не облако, а сын нартовского Деденага Арахцау на своем белом коне, а над ним теснятся не черные вороны, комья земли, подбрасываемые подковами его коня. А шашка его оставляла на земле глубокий след, т.к. доставала до самой земли». В другом варианте Нарт Сослан был послан нартами на землю страшного великана Мукара пасти голодный скот. В виде пастуха он показывается вот как: «Сослан нарочно прятал под плащом шашку и стрелы и притворялся простым пастухом».

Про Нарта Сырдона говорится: «Сырдон под своими огромными усами прятал две колбасы, а сам делал вид, как будто языком облизывал свои замерзшие усы, в то время как облизывал колбаски». Или же говорится, что Нарт Сырдон был безбородым, только имел большие усы... В иллюстрациях нартов надо было показать в том виде, в каком они описываются в сказаниях.

Мне говорили, что в горной части Дигории, недалеко от Махческа, в Мацуте находится могильник Нарт Сослана. Там была обнаружена часть огромного скелета, и местные жители говорили, что это кость Нарт Сослана. Поэтому художник Сослана изображал мужчиной огромных размеров. Так десятками лет я все обдумывал, каким мне рисовать Нарта Сослана в своей картине. Работа моя заняла очень много времени, но труд был благородный, и, в конце концов, картина получилась хорошо. Молодым художникам теперь легко узнать, как создавались образы нартов. Надо заметить, что благодаря научным трудам археологов Юга России, мне удалось изучить самые трудные места эпоса. Будучи еще молодым, я часто общался с народом и встречал редкие старинные вещи не только у осетинских алдаров, но и в домах простых людей. Например, мне удалось увидеть в доме Хазби Магкоева в селении Чикола шашку с металлическим поясом. В доме Акоева в селении Христиановском увидел цепь, которой в древности связывали пленных, у Гайтова в Куртатинском ущелье посеребренный металлический шлем, в том же селе мне пришлось увидеть луки, стрелы, посеребренные седла и другие вещи. В селении Чикола в доме одного из Царикаевых я срисовал медный сосуд такой редкой формы, какую мне не пришлось нигде больше встретить, даже в Дагестане. Я не буду говорить о медных котлах, они всегда встречались и в Дигорском, и в Алагирском ущельях. Но все это было богатым материалом для художника, чтобы нартов показать так, как они жили. Свою картину «Пир нартов»¹² я писал по такому же принципу. Кроме того, для своей картины я использовал мотивы древних архитектурных зданий, в частности дом Дико Дакоева из горного аула Махческ. Этому дому было около 200 лет. Также использовал аул Задалеск 1890 года. Колонны их были украшены в виде бараньих рогов.

В моей картине «Пир нартов» Сослан показан из того места сказания, где Сослан

и Челахсартаг соревнуются в танце сначала на столе, а потом на чаше с пивом. Мне однажды удалось увидеть своими глазами такой спорный танец. Один на голове держал полную чашу с пивом и во время танца он не проливал ни одной капли, а другой прыгал на стол, и на голове у него бывали не деревянные чаши, а бутылки с пивом, и, прыгая на стол, а потом обратно на землю, он не ронял ни одной бутылки. Молодежь Осетии всегда упражнялась в таких искусных танцах. Этим танцам их специально никто не обучал. Увидев эти ловкие, смелые танцы осетинской молодежи, я решил использовать этот сюжет в «Пире нартов», т.к. все это мне живо напоминало описание пиров у нартов. Чем ближе я знакомился с нартскими сказаниями, чем основательнее изучал жизнь и нравы осетин, тем все больше убеждался в том, что Нартские сказания являются народным творчеством именно только осетин, где подробно показывается древняя история Осетии. Об этом теперь подробно пишут К. Д. Кулов¹³ в своем предисловии и С. Н. Битиев¹⁴ в своей статье.

В 1940 году Юго-Осетинское книжное издательство выпустило книгу в стихах под названием «Нарт»¹⁵. В этой книге есть двадцать три (23) вкладыша в моей иллюстрации. Один цикл из них показывает древних нартов перед тем, как появился Уархаг со своими сыновьями, по тексту Андиева Бориса. В том издании мне пришлось тоже много поработать, т.к. надо было изобразить Нартов с самого их появления до гибели Нартов. Образы Урузмага, Сатаны, Сослана, Батрадза, Сырдона и др. я писал такими, какими показал их в своей картине «Пир нартов», чтобы образы моих любимых героев не расходились с созданными их изображениями.

В 1946 году Правительственный комитет Северо-Осетинской АССР по Нартскому эпосу поручил мне подготовить иллюстрации, которые теперь вышли в книге «Нартских сказаний».

Я за свою пятидесятилетнюю творческую деятельность в области живописи все

время старался довести до народа своего давнюю мечту, и если мне в какой-то мере удалось показать силу и мощь осетинского Нартского эпоса, то этим я обязан руководителям Северной Осетии и приношу им свою искреннюю благодарность за то, что они дали мне возможность положить и мой

камень в величественную башню осетинского Нартского эпоса.

Мах дуг. 1949. № 7.

Перевод Любы Туаевой.

Научный архив СОИГСИ.

Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 26.

Документ подготовлен к публикации

И. Т. Цориевой

Примечания:

1. 12 ноября 1940 г. в Северной Осетии был создан Нартский комитет, который объединил работу учреждений науки и культуры по сбору, систематизации, публикации и изучению нартского эпоса. В результате ряда экспедиционных поездок, организованных комитетом в январе — марте 1941 г. в горные и равнинные села Осетии, а также отбора материалов из публиковавшихся прежде источников и рукописного фонда Северо-Осетинского НИИ было собрано более 160 авторских листов. Накопленный материал был использован при подготовке нескольких изданий нартских сказаний. В 1946 г. вышел в свет первый сводный текст эпоса «Сказания о нартах» в прозе на осетинском языке. Над составлением фундаментального труда и подготовкой его к изданию работали ученые В. Абаев, Н. Багаев, писатели Нигер, Т. Епхийев, Б. Боциев, художник А. Хохов. За этой книгой последовали другие издания народных сказаний в прозе и стихах на русском, осетинском, грузинском языках. Прозаический вариант «Осетинских нартских сказаний» в русском переводе Юрия Либединского и с вступительной статьей Кубади Кулова вышел в свет в Северо-Осетинском книжном издательстве в 1948 г. Художественное оформление и иллюстрации были исполнены Махарбеком Тугановым.

2. Кулов Кубади Дмитриевич (1907-1980) — видный партийный и советский деятель. В 1938-1944 гг. — председатель Совета Народных Комиссаров СО АССР. В 1944-1953 гг. — первый секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП (б). Он возглавлял деятельность Правительственного Нартского комитета.

3. Махарбек Туганов учился во Владикавказском реальном училище в 1895-1898 гг.

4. Фандыр — музыкальный инструмент; первоначально так назывались двухструнная скрипка и двенадцатиструнная арфа; в настоящее время — гармоника.

5. Имеются в виду три рода нартов. М. Туганов первым обратил внимание на деление нартов на три фамилии, подчеркнув, что это не что-то случайное, а разделение функций: Алагата — олицетворяли культовую сторону жизни, Ахсартагката — военную, Бората — хозяйственную. По мнению В. Абаева, это положение художника послужило для знаменитого французского ученого Ж. Дюмезиля основой для его теории о трехфункциональном устройстве нартского общества.

6. Уаза — гора в Северной Осетии.

7. Из трех упомянутых Тугановым народных сказителей в Осетии достаточно хорошо было известно имя Дзараха Саулаева (родился ок. 1850-1860 гг. — ...). Слепой сказитель, певец, исполнявший сказания в сопровождении фандыра, принадлежал к числу замечательных народных самородков. Мастер художественного слова, он обладал острой и емкой памятью, в которой хранил большое количество народных сказаний самого разного содержания и жанров. Художник записал от Дз. Саулаева несколько фольклорных текстов. Среди них: сказание «Сын Албега, маленький Тотраз», записанное в 1901 г., народ-

ная историческая песня «Задалески нана», повествовавшая о женщине, спасшей детей во время нашествия Тимура на Северный Кавказ в 1395 г. От Дз. Саулаева было записано и сказание «*Хæлар æма хæрам*» («Добросердечный и коварный»), включенное в «Дигорское сказание» (Владикавказ, 1911). В статье «Осетинский фольклор о Тимуре» Туганов так вспоминал этого замечательного певца: «Дзарах был поистине талантливым кадагганом — после слепого Бибо Зугутова он занимал первое место... Судя по его длинным и тонким пальцам, он был искусным музыкантом. И действительно, когда он играл, то глаза не успевали следить за его пальцами. Голос его был сильным и приятным: он хорошо гармонировал с его игрой» [10, 149].

8. В июне 1898 г. Владикавказское окружное управление выдало Туганову свидетельство для поступления в Санкт-Петербургский горный институт. Но будущий художник не выдержал вступительных испытаний. Неудача скорее обрадовала его, так как позволила поступить в подготовительные классы художника Я. С. Гольдבלата, дававшие объем знаний, достаточный для поступления в Академию художеств. Осенью 1901 г. Туганов стал студентом Императорской Академии художеств. В мае 1904 г., не завершив полный курс обучения, покинул Академию. Учебу продолжил в Мюнхене в частной художественной школе живописца и педагога Антона Ашбе [12, 3-4].

9. Ныне улица Гаппо Баева.

10. Автор не совсем точно обозначил выходные данные издания. На самом деле книга увидела свет в 1911 г. и называлась «*Дигорон кадагнæ*» («Дигорское сказание»). В нее вошли четыре фольклорных текста: три в стихах, одно в прозе. Помимо богатства художественного текста ценность книги состояла в том, что она представляла собой первое издание, в котором были помещены три иллюстрации Туганова, сопровождавшие сказание «Песня нарта Ацамаза». Сказание было записано в 1900 г. в с. Дур-Дур, но отметка в конце текста («март 1902 г. Петербург») дает основание предположить, что он подвергся некоторой редакторской обработке со стороны художника.

11. Многолетняя упорная работа Туганова над народными сказаниями завершилась созданием серии иллюстраций «Нарты». В 1914 г. он отправил их или сам отвез в Вену (по этому поводу имеются некоторые расхождения в свидетельствах. — *И. Ц.*) для издания отдельным альбомом. Однако иллюстрации бесследно исчезли в горниле начавшейся Первой мировой войны. В самом начале 1920-х гг. Туганов еще надеялся разыскать коллекцию, но со временем отказался от каких бы то ни было попыток.

12. Как известно, картина «Пир нартов» не была закончена. Во время работы художник столкнулся с большим количеством трудностей — возраст, болезни, бытовая неустроенность. Но особенно беспокоило отсутствие необходимых материалов. «Обиднее всего, — писал он в ноябре 1950 г. в одном из писем к своей бывшей ученице А. Н. Тибловой-Туаевой, — что нельзя работать по живописи. Огромный холст 5х3 метра, на котором я дал новую композицию «Пир нартов», ждет масляных красок, а я могу только издали смотреть» [11, 139].

13. См. примечание 2.

14. С. Н. Битиев в конце 1940-х — начале 1950-х гг. занимал пост заведующего отделом пропаганды и агитации Северо-Осетинского обкома ВКП (б). Курировал деятельность научно-образовательных учреждений и творческих организаций.

15. Речь идет о книге «Нарты. Осетинский народный эпос». Она была подготовлена к изданию Юго-Осетинским научно-исследовательским институтом и увидела свет в 1942 г. в г. Сталинире (Цхинвале). В основу книги были положены андиевские сказания, изложенные на осетинском языке в форме народно-эпической «хвалебной песни» белым стихом. Кроме самого Б. Андиева, к работе над изданием были привлечены Э. Багаев,

З. Ванеев, И. Качмазов, Х. Плиев, П. Санакоев, Р. Чочиев, М. Шавлохов. Значительный вклад в подготовку издания внес М. Туганов, который не только занимался записью и обработкой текстов, но и создал замечательные иллюстрации к тексту сказаний. В 1957 г. был осуществлен перевод этого издания на русский язык под общей редакцией В. Абаева в серии «Литературные памятники». Помимо В. Абаева в его подготовке участвовали Н. Джусойты, Б. Калоев и др. Русское поэтическое изложение было осуществлено Р. Ивневим.

-
1. *Абаев В. И.* Нартовский эпос. Дзауджикау, 1945.
 2. *Батагова Т. Э.* Нартовская тема в произведениях осетинских композиторов как методологическая проблема // I Всероссийские Миллеровские чтения: Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 142-144.
 3. *Мамиева И. В.* Мир нартов в пространстве художественной литературы («Слезы Сырдона» Н. Джусойты) // Нартоведение в XXI веке: Современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2012. Вып. 1. С. 304-318.
 4. *Фидарова Р. Я.* Роман-миф как новый жанровый тип в осетинской литературе. Владикавказ, 2007.
 5. *Дзантиев А. А.* Художники Северной Осетии. Л., 1988.
 6. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований ВНИЦ РАН. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 26.
 7. *Токаев А.* Таким я знал его // Махарбек Туганов. Статьи, воспоминания, письма. Цхинвали, 1986. С. 116-120.
 8. *Цориева И. Т.* Нартовский эпос в исследованиях Северо-Осетинского научно-исследовательского института (1940-е — 1980-е годы) // Нартоведение в XXI веке: Современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2013. Вып. 2. С. 111-126.
 9. *Джусойты Н. Г.* Творить из прошлого будущее // Махарбек Туганов. Статьи воспоминания, письма. Цхинвали, 1986. С. 3-14.
 10. Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х тт. (Эпос народов СССР). М., 1989-1991.
 11. *Махарбек Туганов.* Статьи, воспоминания, письма. Цхинвали, 1986.
 12. Хроника жизни и творчества художника Махарбека Туганова (тематический перечень документов из архивных фондов ЦГА РСО-Алания)/Сост. Л. С. Засеева, М. А. Сабаева; под ред. Н. В. Чиплаковой. Владикавказ, 2011.